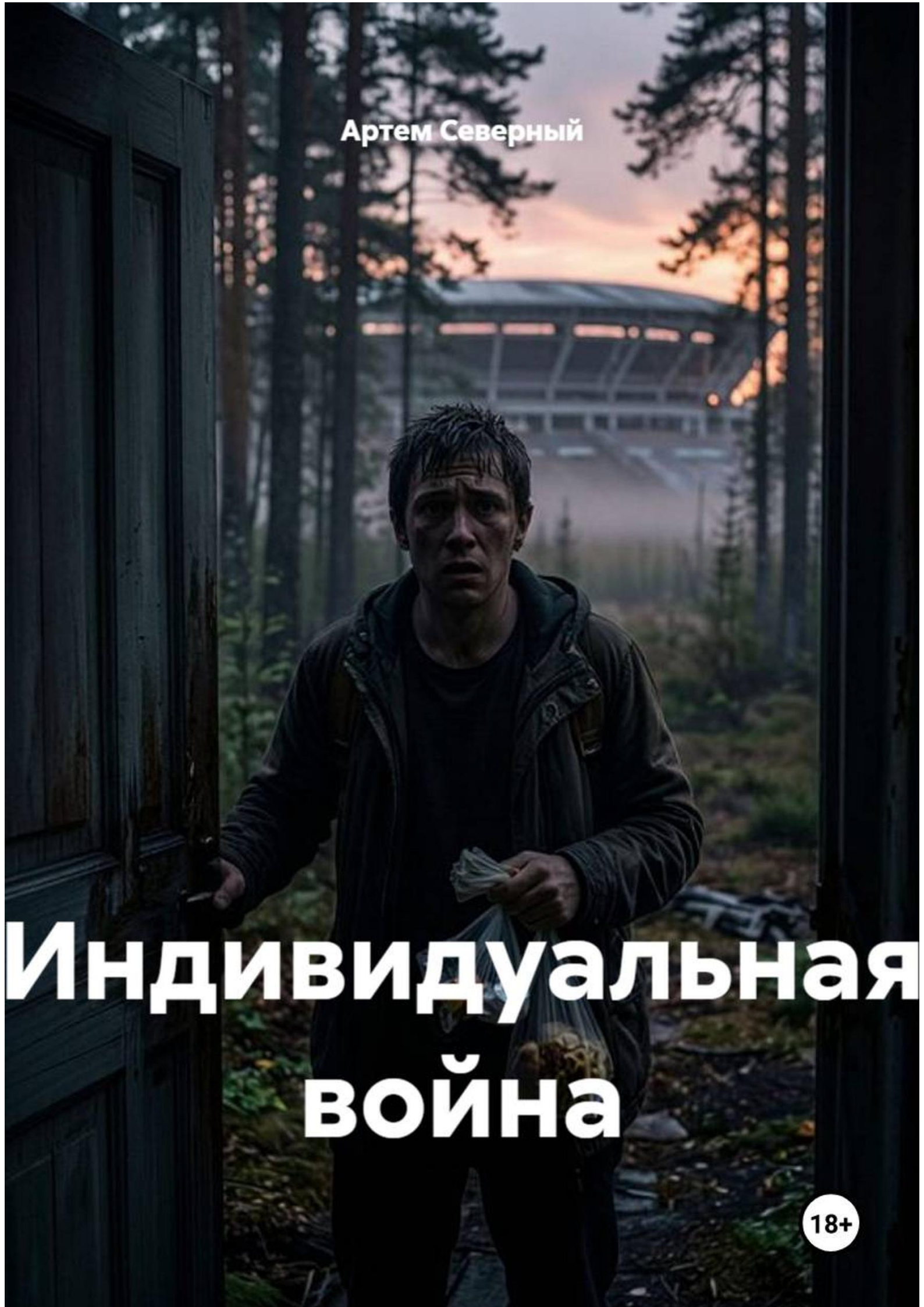

Артем Северный
Индивидуальная война
18+

Артем Северный

Индивидуальная война

«Автор»
2026

Северный А.

Индивидуальная война / А. Северный — «Автор», 2026

Как не сойти с ума, когда человечество официально закончилось, а за дверью твоей квартиры шаркают те, кто еще вчера был твоими соседями? Главный герой романа находит спасение в ментальном ритуале: он мысленно рассказывает свою историю огромному, замершему стадиону. Его арсенал ничтожен, а припасы тают с каждым днем. Но когда судьба сталкивает его с беспомощной, но стойкой Дашей и матерым диким волком, между ними возникает незримая связь, возвращающая волю к жизни. Оставив позади вымершие бетонные джунгли, они находят прибежище в таежной общине, которая еще хранит остатки прежнего уклада. Однако у монстров, захвативших Землю, появляется лидер — эволюционировавший Хозяин, умеющий считать и выслеживать жертву. Это мрачный, глубокий постапокалиптический триллер о поиске человечности среди хаоса, анатомии страха и о том, что даже одна правильная стрела способна подарить надежду гибнущему миру.

© Северный А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Индивидуальная война 6
Глава 2. Сухие гудки 8
Глава 3. Серые иконки 10
Глава 4. Пролёты 11
Глава 5. Цепочка на четырнадцатом 13
Глава 6. Пропавшие туши 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Артем Северный
Индивидуальная война

Индивидуальная война
Роман

Глава 1. Индивидуальная война

Тридцать третий день после той ночи, когда треснул мир. Или тридцать четвёртый — время утратило очертания и стало вязкой кашей из страха и запаха засохшей крови. Я сидел в глубоком велюровом кресле, не шевелясь, экономя тепло и воздух, и пальцы мои намертво приросли к рукояти плотницкого молотка. Металл бойка был ледяным. Этот холод — единственное, что держало меня по эту сторону безумия.

Пятикомнатная квартира на шестнадцатом этаже. Мой бастион. Выше — только бетонные плиты технического этажа и плоская крыша, которую весенние ливни выбили до черноты. Ещё четыре дня назад нас было шестеро. Нет, семеро: обычные люди, случайно застрявшие в одном бетонном мешке. Мы делили макароны, спорили из-за глотков тёплой воды, строили планы, смешные, как детские рисунки. Теперь их нет. Из-за одного дурака, возомнившего себя героем и решившего, что с темнотой можно договориться, ковыли — языки, как мы звали их между собой, — вошли на наш этаж. Они взяли всех, одного за другим. И сделали своими.

Я не вёл дневника. Не наговаривал записей на диктофон умершего смартфона, не наводил камеру на собственное осунувшееся лицо. Какая глупость — оставлять архивы для мёртвой планеты. Я рассказывал всё это себе, молча, методично, раз за разом, и представлял перед собой стадион: огромный, забитый до последнего яруса, гудящий десятками тысяч голосов, которые смолкают, стоит мне поднести к губам воображаемый микрофон. Так было проще. Пока ты выстраиваешь воспоминания для безмолвной толпы, разуму некогда паниковать. Это спасало от желания пустить себе пулю в рот. Впрочем, пули у меня всё равно кончились.

Начну с пятнадцатого дня моей личной войны. В тот день я совершил самую опасную ошибку, какую только позволяет новый мир: я уснул.

Организму было плевать на запертые двери и скрежет за стенами. Он просто выключил меня, как выключают лампу в пустой комнате. Почти сорок часов тяжёлого, свинцового забытья; я лишь изредка ворочался в велюровых объятиях кресла, сворачиваясь в плотный комок, словно побитый пёс, ждущий очередного удара сапогом.

Прежде чем провалиться, я понимал: ни будильник на телефоне, ни звон электронных часов могут меня не добудиться. И тогда мозг, медленно плавившийся от истощения, выдал единственную жизнеспособную идею. Я дополз до зала и принялся заваливать оконный проём антресолями, сорванными со старых шкафов. Складывал их друг на друга прямо на подоконнике, сдирая ногти до мяса и не чувствуя боли. Подпёр эту шаткую конструкцию самими шкафами, а снизу заклинил тяжёлым диваном, который, хрипя, приволок из коридора. Комната превратилась в глухой склеп. Я был этим доволен.

Идея была так себе. Особенно с учётом ночи, которая ей предшествовала: ковыли тогда едва не выхлестнули входную дверь. Стальное полотно чудом удержалось в перекошенной коробке, вмятины на нём стояли глубокие, будто его били кувалдами. Заварить петли, натаскать мешков с цементом, придумать что-нибудь надёжнее — на это сил уже не было. Я махнул рукой на прихожую, упал в кресло и погас. Рассыпался на куски.

Пробуждение вышло мерзким. Я всплывал из липкой темноты неохотно, на секунду приоткрывал воспалённые глаза и снова тонул в серой дрёме. Вытащило меня банальное падение: затёкшее тело соскользнуло с велюра, и я со всего маху приложился коленями и лицом о грязный паркет. Боль швырнула меня в звенящую ясность. Первые мгновения — парализующий страх. Я замер, не дыша, вслушиваясь в квартиру.

Всё было на месте. Дверь в прихожей не выбита. Кухонные ставни, заколоченные досками, не вскрыты. Завалы в зале стояли нерушимой стеной. Главное — я был жив. Сердце колотилось так, что в ушах шумела кровь, и первой мыслью был дикий, почти детский восторг. Воображение тут же нарисовало слащавую картинку спасения: вот я выбираюсь из города, вот

нахожу чистый угол, вот строю новую жизнь. Но восторг быстро выдохся, оставив после себя ледяную дрожь в коленях и добротный, животный мандраж.

Я подошёл к кухонному окну и осторожно, чтобы не скрипнуть, приоткрыл ставню. Солнце поднялось высоко, и вымерший город купался в нарастающем весеннем тепле и режущем глаза свете. А на улице стояло идеальное, противоестественное ничто.

Ни одного пешехода, спешащего по своим мелким делам. Ни потока машин, упёршихся бамперами друг в друга на перекрёстках. Ни велосипедистов, ни скейтеров, ни молодых мам с колясками, которые по утрам выходили гулять в сквер под окнами. Город казался декорацией к дешёвому фильму, которую забыли разобрать после съёмок. Пыль лениво кружилась в лучах над пустым асфальтом.

Единственным живым существом в этом мёртвом пейзаже была крупная немецкая овчарка. Она неслась по противоположному тротуару, тяжело дыша, и за её шеей волочился длинный потрёпанный брезентовый поводок, тихо шуршавший по сухим веткам и трещинам в бетоне. Пёс даже не повернул головы к моему дому. Он просто бежал, спасая шкуру, пока не скрылся за серым поворотом кирпичного здания.

Вот и всё. Доигрались. Человечество официально закончилось.

Глава 2. Сухие гудки

Телефон я схватил судорожно, ломая ногти о пластиковый чехол. Экран ожил и тускло высветил мои грязные пальцы в пыли. Сеть была. Удивительно, но автономные вышки ещё держали заряд и продолжали выплёвывать в пустоту электромагнитные импульсы, как маяки над затонувшим городом. Я открыл телефонную книгу и принялся звонить всем подряд: старым друзьям, бывшим коллегам, сантехнику, которого записал пять лет назад, даже номерам, которые давно собирался стереть.

Гудки шли почти всегда. Долгие, монотонные, заунывные. Гудок. Ещё один. Третий. Никто не ответил. Этот сухой механический звук в динамике пугал сильнее самого громкого крика о помощи, потому что я слишком ясно представлял, где сейчас звонят эти телефоны: в пустых карманах, на тротуарах, залитых кровью, в запертых квартирах, где бывшие хозяева уже отращивали чёрные жгуты внутри себя. На тридцатом номере я не выдержал. Ярость вспыхнула, как капля бензина на углях, и я со всего размаха швырнул трубку в стену. Пластик хрустнул, осколки панели брызнули по паркету.

Пол был завален хламом; чуть дальше лежал пульт от телевизора. Сам телевизор я выкинул из окна ещё в первую неделю, когда по всем каналам пошла бесконечная полоса белого шума, перебиваемая требованием правительства «оставаться в домах и сохранять спокойствие». Спокойствие. Надо же.

Компьютер, к счастью, уцелел. Системный блок тихо загудел вентилятором, разгоняя застоявшийся воздух под столом, монитор вспыхнул синевой, и я зажмурился. Пальцы запрыгали по клавишам. Поисковик ударил в лицо кричащими заголовками: сеть ещё жила, питаемая алгоритмами и серверами на резервных генераторах, но информационное пространство превратилось в сточную канаву. Одни сайты писали о синтетическом вирусе, сбежавшем из секретной лаборатории. Другие публиковали размытые снимки «тарелок» и вещали о вторжении. Третьи цитировали Библию, сулили Страшный суд и звали каяться.

Больше всего кликов собирала Атлантида. Псевдоучёные и выжившие из ума блогеры строчили лонгриды о видоизменённых жителях древней цивилизации, поднявшихся из океанских глубин, чтобы вернуть планету самым простым способом — обратив наземных людей в себе подобных. Люди цеплялись за мифы до последнего вздоха, лишь бы не признавать очевидного: природа просто создала хищника, против которого у нас не оказалось оружия.

Новости начинались примерно с двенадцатого или тринадцатого дня моей войны. Официальные СМИ подавали полуправду под успокаивающим соусом: ситуация под контролем, в отдельных районах зафиксированы вспышки девиантного поведения, армия принимает меры. Мелкие и наглые ресурсы тут же всё опровергали и кричали о лжи. А видеохостинги к тому моменту трещали от любительских роликов, снятых трясущимися руками из окон: одиночные твари с рваной, ломаной грацией хватают людей на автобусных остановках; толпы, которых коснулись пальцы с чёрными ногтями, и уже через минуту бывшие прохожие сами бросаются на бывших товарищей, сверкая почерневшими ртами.

В сеть сливали и военные действия. Полиция и остатки армии выставляли оцепления у вокзалов; плотный огонь, взрывы гранат, дым над улицами. Люди оставляли в комментариях адреса и умоляли приехать, вывезти детей. Были стримеры, которых обратили в прямом эфире, на глазах у многотысячной аудитории. Ты смотришь трансляцию, парень в каске что-то кричит в микрофон, за его спиной бесшумно вырастает серая тень, рывок — и камера падает на асфальт и продолжает снимать, как оператор бьётся в судорогах, а его губы наливаются чернильной чернотой.

А после этого — ничего. Ни слова от властей. Тишина и белый шум.

Выводы вышли неутешительные. Человечество проиграло эту планету за день, максимум за два — ровно столько, сколько я проспал в своём кресле, укрывшись шкафами. И если подумать, кто бы мне поверил, начни я бить тревогу на первой неделе? Снимай я ползущих по моему подъезду тварей на видео — кому оно было бы нужно? Параноикам, годами сидевшим в бункерах с запасом тушёнки в ожидании ядерной зимы. Остальные решили бы, что это реклама нового хоррора. Ещё и мемов бы налепили. Обязательно налепили бы. Прямо под видео моей смерти.

Глава 3. Серые иконки

Интернет, в том виде, в каком его выращивали последние десятилетия, мог работать в автономном режиме довольно долго. Серверные фермы под Москвой и Петербургом жрали солярку из автоматических резервуаров, подземные кабели исправно гнали терабайты мусора. Телефонная сеть держалась тоже: подстанциям не нужен был человек, чтобы мигать лампочками. Но толку от этого технологического чуда было ровно ноль.

Те, кто был мне по-настоящему дорог, трубку не брали. Вообще. А в социальных сетях моё доисторическое окружение появлялось так редко, что можно было решить, будто его там никогда и не было. Мой отец до последнего ходил с кнопочным «Филипсом». Мать включала компьютер раз в месяц, чтобы оплатить коммуналку. Где они сейчас — в своей пригородной хрущёвке? Или лежат в овраге за окружной? Ответа не было. Были серые иконки профилей, которые уже никогда не загорятся зелёным.

Но в сети оставалось немало живого народа. Люди, забаррикадировавшись в панельных и кирпичных норах, сидели в профилях, как крысы под полом: постили депрессивные статусы, картинки со свечами, обменивались слухами и планами. Все чего-то ждали. Супергероев, армию, американцев, инопланетян — кого угодно, кто придёт и вернёт им прежний уютный мир с доставкой пиццы и горячей водой. Слепые котята, привыкшие жаловаться в инстанции и качать права.

Смотреть на них было жалко и противно одновременно. Жалко — потому что беда обрушилась на них, как раскалённый утюг на голову, без предупреждения и инструктажа МЧС. Они не умели забивать окна, не знали, с какой стороны браться за нож, паниковали от отсутствия интернета в телевизоре. Противно — потому что я видел в них самого себя месячной давности.

Я резко щёлкнул тумблером сетевого фильтра. Экран погас, комната вернулась в привычный полумрак. Тяжело дыша, я побрёл на кухню: хотелось только курить и выпить горячего кофе.

Осознание накатывало не сразу. Оно било в мозг размеренно, точными ударами, словно кто-то вколачивал сваи в мой череп. Вопросы множились: я не успевал переварить один, как из него вытекал второй, восьмой, сто двадцать пятый. Что делать дальше? Можно ли выходить хотя бы в подъезд на разведку? Надолго ли хватит остатков еды — пары пачек гречки и нескольких банок шпрот? Придут ли ковыли за мной, в эту квартиру? Прямо сейчас или дождутся глухой ночи? Что с родителями? Жив ли хоть кто-то из бывших коллег? Сколько людей осталось в моём шестнадцатиэтажном подъезде, и как это узнать, не подставив шею? Сработали ли автоматические системы на стратегических объектах, потеряв связь с командованием? Остался ли кто-нибудь живой за пультами ядерных боеголовок? Что делает армия — существует ли она ещё как структура или распалась на банды мародёров? Куда смотрело правительство, когда первые твари вышли на улицы? Сколько их теперь по стране?

Мысли крутились в голове, превращая её в раскалённый котёл. Я чувствовал себя слепым щенком, которого выбросили в завязанном мешке на помойку, в лютый холод. Вопрос «выжить или умереть прямо сейчас» стоял жёстко.

Я просидел на кухонном табурете час или два, тупо глядя на заколоченное окно. А потом внутри что-то щёлкнуло. Паника ушла, оставив холодную серую пустоту. Свыкся. Проблемы надо решать по мере поступления, иначе они раздавят. Что я могу сделать прямо сейчас, не выходя на улицу? Проверить территорию. Понять, кто за дверью.

Я поднялся и подошёл к верстаку в коридоре. Правая рука легла на рукоять длинного охотничьего ножа, левая подхватила тяжёлый строительный молоток с обрезиненной ручкой. Вот и весь арсенал первой вылазки. Я повернул нижний замок и вышел в подъезд. Без плана, без страховки. Просто шагнул в темноту лестничной клетки.

Глава 4. Пролёты

Утреннее солнце пробивалось сквозь немытые окна подъезда и заливало бетонные ступени густой, медовой желтизной. Этот мирный свет никак не вязался с ужасом, затаившимся за дверями квартир. Я двигался бесшумно, ставя пятку так, чтобы подошвы старых кроссовок не издали ни звука. Нож — в правой, молоток — в левой. Ладони сухие, хват жёсткий.

Начал с собственного этажа. Прижимал ухо к холодному металлу дверей, обшитых дешёвым дерматином, жал на звонки: внутри раздавался глухой механический треск, и никто не откликался. Четыре двери, четыре гробовых молчания. Ни шагов, ни кашля, ни бормотания телевизора. Я поднялся на технический этаж, проверил замок чердачной двери — цел — и пошёл вниз. Пятнадцатый. Те же звонки, стук рукоятью по косякам, долгое вслушивание в бетонную пустоту. Четырнадцатый. Тишина, от которой закладывало уши. Если за этими дверями ещё прятались живые, они боялись дышать рядом с замочными скважинами и добровольно становились узниками собственных ковров и мебели.

На десятом этаже порядок моей разведки рухнул. Я едва ступил на площадку, как тишину подъезда разорвал рык. Не человеческий. Он шёл из-за двери в дальнем углу — утробный, вибрирующий, такой, что на затылке зашевелились волосы. Так рычит крупный хищник, запертый в клетке, злой и голодный. Я замер на ступеньках, перехватив молоток. Рык повторился и перешёл в тяжёлое прерывистое сопение. Человек так хрипеть не может.

Связываться с неизвестным зверем в замкнутом пространстве я не собирался. Решил вернуться к этой загадке позже и поспешил наверх, подальше от слишком большого риска — взбесившейся бойцовской псины, которую хозяева оставили умирать.

Окна подъезда на одиннадцатом и двенадцатом этажах были плотно завешены изнутри серыми шторами: кто-то из выживших пытался закрыться от света. И там, на пролётах, паслись двое. Лениво шатаясь от одной закрытой двери к другой, они бродили в полумраке. Ковыли — так я называл их про себя за уродливую, перекошенную походку.

Они не изменились с тех пор, как я наблюдал за ними из окна. Левая рука у каждого неестественно вздёрнута вверх и согнута в локте под диким углом; правая, напротив, опущена, чуть согнута и отведена вправо, словно они тянут невидимый груз куда-то за затылок. Чёрные иссохшие губы плотно сжаты, вокруг ртов — тёмная засохшая корка.

Заметив меня, они не издали ни звука: ни рыка, ни шипения. Только головы синхронно дёрнулись, и мутные, подёрнутые плёнкой глаза уставились на мои кроссовки. Они двинулись ко мне с удивительной, рваной быстротой.

Пока их двое и между нами лестница, воевать было легко. Первого я встретил коротким яростным ударом молотка сверху вниз; боек с глухим хрустом вошёл в теменную кость, колени твари подогнулись, и она мешком осела мне под ноги. Второй потянулся к моей куртке уродливой левой рукой; я качнулся назад, ушёл от захвата и вогнал охотничий нож ему под подбородок — по самую рукоять, сквозь мягкие ткани глотки.

Всё заняло три секунды. Они лежали на ступенях неподвижно. И тогда я решил опробовать несколько идей, родившихся в моей голове за сорок часов сна. Мне нужно было понять их анатомию. Раз и навсегда.

Первому, который ещё слабо подёргивал пальцами, я вогнал нож в горло сбоку и, навалившись всем весом, пилящими движениями отделил голову. Чёрная густая жижа, похожая на дёготь, лениво поползла по бетону, пахнущая тухлым железом и болотной тиной. Голова покатилась вниз по ступеням, стуча зубами.

Второму я попытался добраться до пресловутого языка, о котором столько орали в интернете. Лезвие ножа я загонял между его намертво сжатых зубов, но как ни упирался коленом в грудь, как ни тужился — челюсть не поддавалась. Зубы сидели в дёснах, как гранитные моно-

литы. Тогда я взялся за молоток и методично, удар за ударом, раскрошил его морду в кашу, разметав чёрные ошмётки и костяные осколки по ступеням.

Языка я не нашёл. Рот был пуст: забит костной крошкой и чёрной жижей, но пуст. Никаких щупалец.

Ну и хрен с ним, решил я, вытирая лезвие о штанину мертвеца. Посмотрим позже, действенны ли эти методы, или они соберут себя по кускам, как только солнце уйдёт за крыши.

Тогда я ещё не знал, как жестоко ошибаюсь. Но об этом — позже.

Глава 5. Цепочка на четырнадцатом

Двери на теневых, закрытых от солнца пролетах мне, разумеется, никто не открыл. Я стучал, звонил, негромко ругался — глухо. Люди вымерли или превратились в камни. Я уже было полностью отчаялся найти хоть кого-нибудь живого в этом бетонном вертикальном гробу. Проверка тринадцатого этажа закончилась тем же результатом — запертые стальные листы и запах застоявшейся пыли.

Я уже развернулся, чтобы топать обратно к своей крепости на шестнадцатом, когда сверху, со стороны четырнадцатого этажа, раздался отчетливый, ни на что не похожий звук отбираемой двери. Скрипнул старый замок, щелкнула задвижка. В тишине подъезда этот звук прозвучал как выстрел.

Крикнув что-то вроде «Я человек! Я один из них, не бойтесь меня!», я стремглав полетел вверх по ступеням, перескакивая через две за раз. Сердце снова включило долбежку. Я вылетел на площадку четырнадцатого этажа и остановился как вкопанный.

Дверь одной из квартир была приоткрыта. Буквально на пару сантиметров — на всю длину стальной дверной цепочки. Из узкой темной щели на меня со страхом и надеждой смотрели заплаканные женские глаза. Девушка. Молодая, совсем девчонка, лет двадцати на вид. Ее лицо было бледным, как стена подъезда, губы затряслись и скривились в уродливой маске подступающего плача, когда она увидела мои перемазанные черной жижей руки, нож и молоток.

Я понял, что выгляжу как палач с бойни. Поспешно опустил оружие, улыбнулся всеми своими тридцатью двумя зубами, стараясь придать лицу максимально мирный вид, и просто прислонился спиной к стене рядом с косяком. Слова были лишними. Если бы я хотел выбить эту дверь, я бы не стоял здесь, расслабив плечи.

Девчонка всхлипнула. Щелочка закрылась, изнутри донесся резкий металлический хлопок — она захлопнула дверь, чтобы снять цепочку. А в следующее мгновение полотно распахнулось настежь. Она выскочила на грязную площадку подъезда прямо в домашних тапочках и с ходу кинулась мне на шею.

Ее трясло так, словно под ногами ходил ходуном земной шар. Она судорожно всхлипывала, утыкаясь носом в мою грязную куртку, и крепко, до боли сжимала мои плечи своими тонкими пальцами. А я просто стоял, опустив руки, перемазанные черной жижей перевалочников, совершенно не зная, как реагировать на это проявление человеческого тепла и как ее успокоить. Я отвык от людей за эти две недели. Отвык от того, что кто-то может искать у меня защиты.

Ее звали Даша. Она училась в местном медицинском институте, на третьем курсе, планировала стать хирургом. Жила здесь вместе с мамой. Мама, к огромному сожалению, стала одной из этих ползуных тварей всего три дня назад. Накануне эти раны молниеносно обратили весь подъезд. Ковыли действовали слаженно, словно ведомые единым разумом. Они влезли через открытые окна нижних этажей, стучали во все двери подряд, взламывали хлипкие замки и нападали на спящих или бодрствующих, но совершенно не способных от них защититься людей.

Даше удалось избежать обращения только по одной причине — ее мать пожертвовала собой. Когда твари начали ломать их тамбурную дверь, женщина выскочила на лестничную клетку с громкими, безумными воплями, уводя двоих огромных тварей, пришедших за ними, подальше от квартиры, вниз по лестнице.

Девушка после этого до самого рассвета просидела в темной, душной ванной комнате. Сидела на полу, зажав рот ладонями, в постоянном, сводящем с ума ожидании, что вот сейчас... вот прямо сейчас она увидит серые ноги перевалочников в узкой щели между полом и дверью

ванной. Ожидала, что они ворвутся в темноту санузла и заберут ее. Только когда утренний солнечный свет начал проникать в эту самую щель, она осмелилась выйти.

Она совершенно не знала, что делать. И, как я уже упоминал чуть ранее про большинство беспомощных котят, Даша полезла в социальные сети. Глупая, наивная девчонка. Так она и провела около тридцати часов, тупо сидя перед экраном ноутбука и без остановки клепая посты о помощи во все доступные группы и паблики. Когда она услышала мои шаги и стук на пролете, она подумала, что это кто-то из спасателей наконец откликнулся на ее интернет-просьбы. Глупая девчонка.

Тем не менее, я был несказанно, безумно счастлив увидеть живого человека. Мне ведь тоже было чертовски страшно все эти дни, хоть я и строил из себя циничного вояку с молотком. А тут — живая, теплая. От сердца немного отлегло. Вдвоем всяко спокойнее встречать конец света, пусть девчонка и абсолютно беспомощна в плане драки.

Мы собрали всю провизию, что нашлась у нее на кухне — пару банок кукурузы, пакет сахара и полбуханки сухого хлеба. Сложили все в рюкзак и спустились в мою квартиру на шестнадцатом. Ковыли, которых я угандошил полчаса назад на ступенях, все так же оставались на своих местах, распластанные по бетону. Когда мы спускались мимо них, они даже не вздрогнули. Это не могло не радовать. Мой метод с уничтожением голов сработал на ура.

Опять же, как и в его мать их предыдущие наверное десятки раз за эту жизнь, я крупно ошибся со своими поспешными выводами. Но об этом дерьме — позже.

Тот день мы с Дашкой провели практически не разговаривая. Атмосфера в квартире была тяжелой, как грозовая туча. Она без остановки мониторила сеть через свой ноутбук, изредка пичкая меня свежей неутешительной инфой о бесконечных нападениях языков в разных точках земного шарика. Армия отступала повсюду. А я занимался делом — своим арбалетом.

Блочный «Мангуст». Мое лучшее приобретение прошлых лет. Я методично начистил тетиву пчелиным воском, поменял резиновые виброгасители на плечах, открутил эксцентрики, подкорректировал оптический прицел. Все бы ничего, работа успокаивала пальцы. Вот только стрела у меня оставалась всего одна. Одна-единственная углепластиковая стрела с охотничьим трехлезвийным наконечником. И где разжиться новым боезапасом в вымершем городе — я не имел ни малейшего понятия.

Время от времени я подходил к окну и поглядывал на улицу. Солнце уже клонилось к закату, лу посещая мои кухонные окна и приятно грея кожу на лице. Но для души его тепло было не достать. Пустота царила кругом. Разве только крупный рыжий кот перебежал пустую дорогу внизу, прижимая уши к асфальту, и скрылся за металлическим забором между двумя серыми зданиями. Животные выживали лучше нас.

Ближе к закату я затворил тяжелые деревянные ставни на кухне, проверил все щеколды и замки на входной двери и разложил на кухонном столе свое нехитрое оружие. Нож, молоток, арбалет с единственной стрелой. Усевшись на стул, я начал вслушиваться в наступающую уличную тишину. А Дашка, свернувшись маленьким калачиком на матрасе, который я бросил ей на пол в зале, размеренно и тихо засопела. Уснула.

По всему выходила паршивая математика. Человечество кормили говном из телевизора еще тогда, когда первые ковыли только припалзали ко мне в подъезд в самые первые дни. Информацию о пропаже людей в городе существенно, намеренно приуменьшали. Власти пытались локализовать угрозу втихаря, в тайне от общественности, чтобы избежать паники и погромов. И вот, сука, к чему это привело. Нас просто сдали без боя.

Сколько нас осталось живых на весь этот огромный город? Сколько из нас уже стало такими, как моя первая любовь в черном костюме, которую я видел на улице в третий день? Сколько человек погибло в глупых попытках ликвидировать тварей кухонными ножами? Сколько покончило жизнь самоубийством, не выдержав этого затянувшегося кошмара? Когда

эти существа видоизменятся настолько, что дневное солнце перестанет их пугать? Когда они захватят планету всецело и окончательно?

И самый главный, шкурный вопрос на тот момент — как конкретно мне выжить вместе с этой девчонкой?

Мои мысли той ночью не нарушил топот ковылистых ног на лестничной клетке. Не нарушило и их появление на стенах за окном. Еще бы, на кой мы им сдались? Какое дело огромной выросшей популяции до одного человечишки на шестнадцатом этаже, если их ряды расширились до миллионов по всему земному шару? Скорость их размножения и масштабы поражали своей немыслимостью. Но еще больше пугала их способность быстро адаптироваться к любым условиям, обучаться на ходу и видоизменяться. Они становились быстрее, сильнее и, что самое паршивое, умнее с каждым гребаным днем.

Глава 6. Пропавшие туши

Внезапно, где-то в районе трех часов ночи, я почувствовал резкое, непреодолимое желание проверить тела, оставленные мной на пролетах одиннадцатого этажа утром. Какое-то седьмое чувство, подкожный зуд заставил меня подняться с табурета. Вооружившись ножом и вскинув к плечу арбалет с моей единственной стрелой, я потихонечку, миллиметр за миллиметром, приоткрыл входную дверь квартиры и вышел на лестницу.

Ночью все звуки в пустом бетонном доме имеют мерзкое свойство становиться в три раза громче. Мои мягкие, осторожные шаги в домашних тапочках звучали в моих собственных ушах словно цоканье тяжелых подков по сухому асфальту. А дыхание... каждое выдыхание предательски верещало в тишине подъезда, словно кто-то выкрутил на сотку звук на старом ламповом телеке. Тем не менее, ноги упорно несли меня вниз, к намеченной цели.

Добравшись до одиннадцатого этажа, я замер, наведя арбалет в темноту площадки. Посветил маленьким диодным фонариком, зажатым в зубах.

На бетонных ступенях не было тел.

Я обнаружил только две огромные, подсохшие лужи и кучу брызг черной жижи на стенах и ступеньках. Уебаны, которым я утром лично резал глотку и перемалывал в полную труху бошки, просто исчезли. Японский петух, как такое могло быть в реальности — я не вкуривал, хоть убейте. Бетон был чист, если не считать дегтярных пятен. Они не могли уползти без голов. Кто-то утащил их? Или мои выводы о смертельности разрушения черепа были полным, дерьмовым заблуждением?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.